

Максим Мальков

Джейн Аддамс и ненаписанные главы о чикагской школе социологии

Рецензия на книгу Дмитрия Валерьевича Ефременко, Владимира Геннадьевича Николаева «Мыслители города ветров: прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века». (Ефременко, Д. В., Николаев, В. Г. Мыслители города ветров. Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века: Монография / Д. В. Ефременко, В. Г. Николаев; ИНИОН РАН; Под общ. Ред. Н. Е. Покровского. М., 2024)

Максим Дмитриевич Мальков, MA in Sociology, приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

ORCID: 0009-0008-2495-1923

Электронная почта: mmalkov@hse.ru

Для цитирования: Мальков, М. Д. Джейн Аддамс и ненаписанные главы о чикагской школе социологии. Рецензия на книгу Дмитрия Валерьевича Ефременко, Владимира Геннадьевича Николаева «Мыслители города ветров: прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века» // Социология заботы. 2026. Т. 1. № 2. С. 112–120.

112

Может ли в центре рецензии на книгу быть не то, что в книге есть, а то, чего в книге нет? У такого подхода есть как преимущество, так и недостаток. Преимущество — возможность продолжить дискуссию, не просто аналитически реферировать текст, а выходить за его границы. Недостаток состоит в том, что привычное ожидание от рецензии нарушается: авторы рецензируемой книги, желая увидеть отзыв на свое творение, расстроятся, когда поймут, что обсуждается вовсе не их текст; читатели, жаждущие быстро познакомиться с ключевыми идеями работы, минуя чтение всей книги, расстроятся, поскольку узнают из рецензии вовсе не то, что хотели бы. Хорошо, что рецензии мало кто читает! А если

и читает, то вряд ли цитирует, а если и цитирует, то это же, получается, снова хорошо? Таким образом, недостаток либо устраняется (никто не прочитает мою рецензию), либо становится вторым преимуществом (даже если и начнут ругать, то и отлично, зато заметили).

В монографии нет главы о Джейн Аддамс — исследовательнице, чьи работы разными путями воздействовали, формировали или вступали в конфликт с тем, что мы называем «чикагской школой социологии». В книге Аддамс упоминается всего пару раз, и не причисляется авторами к «канону», состоящему из имен социологов/философов-мужчин, которые красуются в названиях глав — Джорджу Герберту Миду, Роберту Парку, Луису Вирту, Эверетту Хьюзу, Герберту Блумеру, Роберту Редфилду, Уильяму Огборну¹. В монографии подробно рассказывается о становлении чикагской социологии и политической науки, о каждом из авторов-мужчин выше можно прочитать подробную биографическую сводку, познакомиться с их идеями и взглядами. Как так получилось, что самыми интересными и вдохновляющими для меня стали абзацы, посвященные деятельности Джейн Аддамс? Как так вышло, что ее имя стало ассоциироваться с социальной работой и правозащитой, но не исследованиями и социологией? Почему в российских социологических текстах ее упоминаний почти не встретишь? Как возможно, что в недавнем выпуске журнала, озаглавленном «Чикагская школа и полевые эксперименты», нет ни слова о Джейн Аддамс, стоявшей у истоков полевой работы в Чикаго [Чикагская школа и полевые эксперименты, 2025]?

Далее я предложу несколько описаний *воображаемых, ненаписанных* глав о том, чего в книге нет. Эти короткие описания — возможные траектории мысли, которые можно и, на мой взгляд, нужно развивать и превращать в написанные, опубликованные главы, монографии и статьи.

¹ Моя рецензия — не выпад в сторону авторов. В их книге рассказывается несколько фактов из биографии Аддамс [Ефременко, Николаев, 2024, с. 27], упоминается Халл Хаус, о котором речь пойдет дальше, более того, единственный, насколько я знаю, переведенный на русский текст Джейн Аддамс выполнен Владимиром Николаевым [Аддамс, 2020]. Однако я бы хотел расставить в своем маленьком тексте акценты иначе, чем это делают авторы монографии.

Глава «Роль сеттльмента Халл Хаус в становлении эмпирической социологии»

Авторы монографии пишут: «Дефицит знания, нацеленного на решение практических задач развития мегаполиса, был одним из мотивов создания Чикагского университета» [Ефременко, Николаев, 2024 с. 30]. Эмпирическая социология зарождается как реакция на масштабные социальные процессы — индустриализацию, урбанизацию, и вызванные ими проблемы, такие как миграция, бедность, бездомность, протесты рабочих, экологические кризисы, борьба за права женщин и т. д. В условиях кипящего, развивающегося, застраивающегося мегаполиса, «Идеалом было получение практического знания и его максимально быстрое использование в целях социальных преобразований» [Ефременко, Николаев, 2024, с. 53]. Именно тут возникает фигура Джейн Аддамс — правозащитницы, активистки, создательницы сеттльмента Халл Хаус, а еще авторки монографий и статей по социологии и философии. В Халл Хаусе, поселении-коммуне, было развернуто множество социальных программ помощи, образовательных инициатив, проводились инновационные исследования, формировались рабочие движения, многие люди обеспечивались работой. Аддамс вела активные дискуссии с Дьюи, Мидом и будущими социологами-чикагцами, предлагала и реализовывала с другими исследовательницами оригинальные подходы к изучению социальных проблем, была пацифисткой, открыто выступала против войны, опубликовала более десятка книг. Какие практики, реализованные исследовательницами в Халл Хаусе, легли в основу будущих социологических методов? Как уникальный проект Халл Хауса соотносится с ранними советскими проектами коммун, например, Болшевской трудовой коммуной, где иначе воплощались образовательные и социальные инициативы по решению социальных проблем?

Глава «Гендерное разделение труда в социальных науках»

В блестящей работе «Jane Addams and the Men of the Chicago School, 1892–1918»² Мэри Джо Диган рассказывает довольно драматичную историю о том, как Джейн Аддамс была последовательно вычищена из пантеона создателей эмпирической социологии в Чикаго, наряду с другими женщинами исследовательницами [Deegan, 1988]. Аддамс оказывала большое влияние на мужчин-социологов, но ее почти никто не цитировал, кроме того, многие исследователи и последователи чикагской школы активно собирали из разрозненных кусков тексты Парка³ и других социологов-мужчин, но систематизацией социологического наследия Аддамс никто не занимался. Свою роль сыграло гендерное разделение труда — мужчины-социологи начали получать академические позиции в университете и стали считаться абстрактными мыслителями, а женщины-социологини «практическими мыслительницами», приближенными к «реальным» проблемам, но не способными их осмыслить. В этом заключается парадокс: чикагская школа ассоциируется у нас с эмпирическими исследованиями, реальной полевой работой, постоянно вспоминается высказывание Роберта Парка, утверждавшего, что необходимо «запачкать руки в реальном исследовании». При этом резидентки Халл Хауса во главе с Джейн Аддамс, реализующие эти принципы на практике, стали считаться «социальными работницами» или просто фигурами, не заслуживающими внимания.

Хотя не преподавать в Чикагском университете (куда ее звал глава кафедры социологии Альбион Смолл) было решением самой Джейн Аддамс, причиной такого решения было ее опасение ограничения свободы слова. Кроме того, Аддамс хотела преподавать тем, кто не мог позволить себе университетское образование в Халл Хаусе. В итоге ее имя

² На которую, кстати, ссылаются авторы монографии.

³ Как пишут авторы монографии, Парк опубликовал всего одну монографию, несколько статей, очерков и учебников [Ефременко, Николаев, 2024, с. 97–98].

стало постепенно исчезать из публикаций чикагских социологов. Любопытно, что количественные/математические методы сначала воспринимались чикагцами как «женские» — монотонные, нетворческие и не требующие креативности и оригинального мышления. В 1950-е (когда количественная методология стала главной фишкой социологов-мужчин) ситуация полностью поменялась — теперь количественные методы стали трактоваться как *hard science*, «мужские» навыки, требующие технического ума в сочетании с изобретательностью [Deegan, 1995, p. 338]. Как методы (пере)присваивают, наделяют новыми коннотациями, связывают с более научным или напротив, ненаучным подходом? Как расширить репертуары методов, стилей письма, форм воплощения исследовательской рефлексии? Каким образом формируется канон, что можно сделать, чтобы не воспроизводить его [Коннелл, Тезина, Кисленко, 2023]? Каким образом возникают и фиксируются различия между «социальной» и «социологической» проблемой, а также проводятся границы между «социальной работой» и «социальной теорией»? Как гендерное разделение труда формирует научные школы⁴?

⁴ Когда я впервые увидел знаменитые таблички с именами известных философов и социологов в Шанинке, которые висели на дверях кабинетов, невозможно было сразу не подумать о том, что там отсутствуют женщины (за исключением Ханны Арендт, которая при этом делила аудиторию 511 вместе со своим экс-возлюбленным Хайдеггером). Поскольку в 2026 году эти таблички, никого не спросив, сорвали, уже поздно пытаться восстанавливать справедливость (по крайней мере в контексте тех табличек), но, возможно, в следующей реинкарнации Шанинки, стоит сильно задуматься о канонах и фигурах, которые нас вдохновляют. Политика переводов иностранных книг, создания табличек, включения в главы учебников, а также выстраивания своих исследований на основе тех или иных источников — все это сильно влияет на то, что мы будем изучать, о чем будем интенсивно думать на ридингах и лекциях, а также на то, какие идеи будут циркулировать среди нас.

Глава «Как исследовательницы Халл Хауса противостояли отчуждению полевых данных»

Мэри Джо Диган демонстрирует, как по-разному в двух экспертных центрах Чикаго — Халл Хаусе и факультете социологии Чикагского университета — использовались данные и презентовались результаты исследований. В своих работах резидентки Халл Хауса использовали карты, где отражались различные характеристики районов, распределения по уровням зарплат или по национальностям людей, проживающих в разных частях города. «Использование этих карт женщинами-социологами из Чикаго радикально отличалось от их последующего “научного” использования мужчинами-социологами из Чикаго. С одной стороны, карты “ученых” предназначались для того, чтобы показать экспертам и лицам, принимающим решения, жизнь жителей района. С другой стороны, карты Халл-Хауса должны были показать жителям района, что их образ жизни имеет закономерности и взаимосвязи, которые они могли бы использовать для принятия более обоснованных решений. Эти карты были частью сообщества и неотъемлемой частью целей сеттльмента, таких как демократия и образование» [Deegan, 1988, p. 47].

Когда мы проводили в Шанинке серию мероприятий, посвященных исследованию бездомности⁵, мы много говорили о стигме, разных концептуализациях, опросах, социальных эффектах, но ни разу не приглашали на наши встречи и обсуждения самих людей с опытом бездомности. Конечно, это не означает бесполезности проделанной работы. Однако вовлечение в дискуссию тех людей, о ком мы пишем тексты, необходимо, и требуется перепридумывание тех форм работы с данными, которые сейчас повсеместно приняты в университетах. Как социологи могут работать с данными, не отчуждая их от тех, кого они исследуют? Как вовлекать исследуемых в процесс исследования? Как не превращать свои тексты в формальные бюрократические отчеты, обезличенные, лишённые воображения, прогнанные через машины безмыслия и клише?

⁵ Подробнее: <https://msses.ru/science/issledovaniya-bezdomnosti/>

Глава «Метафоры и поле: как назовешь, так и поплывет»

Роберт Парк утверждал, что город — это «социальная лаборатория». Однако изначально дискуссии велись о том, является ли Халл Хаус такой лабораторией. Мужчины-социологи предлагали изучать сеттльмент как «образец» общества, где можно словно через увеличительное стекло рассмотреть различные социальные проблемы. Против такого протестовали женщины, считая такой подход объективирующим. Вот что говорила Аддамс: «Я всегда возражала против использования в отношении нас выражения “социологическая лаборатория”, потому что поселения должны быть чем-то гораздо более человеческим и спонтанным, чем подразумевает это выражение, и все же неизбежно, что жители должны знать свои районы лучше, чем кто-либо другой, и что их опыт там должен влиять на их убеждения» [Deegan, 1988, p.36]. Поле у чикагцев становится отчужденным от самого себя, становится ресурсом для их исследования, отчета, в общем, они исследуют практики бедняков и иммигрантов и показывают свои результаты властям, а не самим беднякам и иммигрантам. Поле у Аддамс и в Халл Хаусе находится в тесном переплетении с исследовательницами, а результаты этих исследований были доступны участникам поля. Какие метафоры социологи применяют по отношению к полю? Как концептуализируется поле? Поле — это «где», «что» или, может быть, «как» [Гупта, Фергюсон, 2013]?

Моника Краузе отмечает, что некоторые объекты (к примеру, Чикаго) настолько интенсивно изучаются, что становятся модельными кейсами, относительно которых ведется дискуссия об эпистемической цели, которую этот кейс замещает («город»). Более того, акценты на разных интенсивно изучаемых кейсах смещают внимание внутри самой эпистемической цели: изучая Чикаго как материальный дублер, замещающий концепты «города» и «расы», акцент делается на «социальной изоляции и институциональной депривации, в то время как внимание к Нью-Йорку высвечивает трафик, транспортные потоки и загрязнение окружающей среды» [Krause, 2021, p. 20]. Какие модельные кейсы существуют в российской социологии? Почему те или иные объекты интенсивнее всего изучаются?

Глава «Социология заботы Джейн Аддамс»

Сеттльмент Халл Хаус, который организовала Джейн Аддамс, был уникальным проектом. На русском языке существует несколько текстов о нем (см. например: [Байбакова, Овчаренко, 2025]). Однако о самой Аддамс, как отмечают многие исследователи, писали в основном как об интересной и важной фигуре для становления и развития социальной работы, о ее захватывающей биографии, но мало внимания уделяли ее идеям, например, ее роли в разработке прагматистской теории [Schneiderhan, 2011] и этики заботы [Hamington, 2001], а также ее методологическим приемам, таким как автоэтнографическое письмо [Rosiek, Pratt, 2013] и шире, методологиям, которые разрабатывалась в Халл Хаусе [Scimecca, Goodwin, 2003]. Какие концепты, разработанные Джейн Аддамс, применимы сегодня? Как воплощенные в Халл Хаусе принципы демократии, кооперации, социальной справедливости могут помочь в реализации современных проектов помощи?

Мэри Джо Диган описывает трагический финал Халл Хауса и его резиденток. Их пацифизм, который поначалу воспринимался как «женский» каприз, накануне войны стал трактоваться как прямая угроза национальным интересам Америки, их приверженность идеям кооперации — как опасная близость к коммунизму, их посвящение жизни науке и исследованиям (а также друг другу), а не семье — как сублимация нереализованных сексуальных желаний [Deegan, 1988, p. 310–311]. После Первой мировой войны консервативные силы общества/государства сливаются с силами институционально закрепленных социологов-мужчин в Чикаго, вытесняя женщин-социологов в особую сферу занятости — «социальную работу». В Чикагском университете тем временем «Утопическая цель улучшения общества была заменена консервативным поиском “чистого знания”» [Deegan, 1988, p. 312]. Это стало логичным продолжением начавшегося еще при создании Чикагского университета гендерного разделения труда — женщины уже тогда считались «благодетельницами», а не «исследовательницами», а новая сфера социальной работы отлично подходила для противопоставления «высокой теории» — границы между абстрактным и научным мышлением и деятельностью

социологов и приземленной практической деятельностью социальных работниц были надолго установлены и институционализированы. Как наши ценности определяют исследовательские подходы и оптики? Как делать исследования, чтобы было за них не стыдно? О чем писать, когда о том, о чем хочешь, писать невозможно?

Эти ненаписанные главы мне было бы очень интересно прочитать, а может быть, и написать самому.

Литература

1. *Аддамс, Дж.* Сеттльмент как фактор рабочего движения / Пер. с англ. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 2. С. 112–131.
2. *Байбакова, Л. В., Овчаренко, А. О.* Джейн Аддамс — основатель первого в США центра помощи бедным и социально незащищенным слоям населения (конец XIX — начало XX в.) // Клио. 2025. № 4. С. 205–211.
3. *Гупта, А., Фергюсон, Д.* Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии / Пер. с англ. С. В. Соколовского, О. А. Поворознюк // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
4. *Коннелл, Р., Тезина, Е., Кисленко, И.* Каноны и колонии: глобальный путь развития социологии // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 219–236.
5. *Чикагская школа и полевые эксперименты* / Под ред. Н. А. Волковой, М. Р. Невлютова // Городские исследования и практики. 2025. Т. 10. № 4.
6. *Deegan, M. J.* Jane Addams and the men of the Chicago School, 1892–1918. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988.
7. *Deegan, M. J.* The Second sex and the Chicago School: Women's accounts, knowledge, and work, 1945–1960 // Fine, G. A. (ed.). A Second Chicago School. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 322–364.
8. *Hamington, M.* Jane Addams and a politics of embodied care // Journal of Speculative Philosophy. 2001. Vol. 15. No. 2. P. 105–121.
9. *Krause, M.* Model cases: On canonical research objects and sites. Chicago: University of Chicago Press, 2021.
10. *Rosiek, J. L., Pratt, S.* Jane Addams as a Resource for Developing a Reflexively Realist Social Science Practice // Qualitative Inquiry. 2013. Vol. 19. No. 8. P. 578–588.
11. *Schneiderhan, E.* Pragmatism and empirical sociology: The case of Jane Addams and Hull–House, 1889–1895 // Theory and Society. 2011. Vol. 40. No. 6. P. 589–617.
12. *Scimecca, J. A., Goodwin, G. A.* Jane Addams: The first humanist sociologist // Humanity and Society. 2003. Vol. 27. No. 2. P. 143–157.